

Оом Федор Адольфович

**Воспоминания Феодора
Адольфовича Оома**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Адольфович О.**
Воспоминания Феодора Адольфовича Оома / Оом Федор Адольфович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 141 с.

ISBN 978-5-521-26351-6

ISBN 978-5-521-26351-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Пулковской и состоитъ нынѣ директоромъ оной. Извѣстно намъ также, что въ Англіи были наши однофамильцы, что съ однимъ изъ нихъ покойный однокровный братъ мой познакомился во время пребыванія своего въ Лондонѣ и что этотъ Оомъ, служившій въ Англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, скончался молодымъ человекомъ. Бывшіе въ С.-Петербургѣ посланни сэръ-Букачанъ и Торнтонъ отзывались о немъ какъ о человѣкѣ очень образованномъ, способномъ и симпатичномъ.

Свѣдѣнія о родствѣ съ материнской стороны, хотя и простираются недалеко, но они несравненно обстоятельнѣе, и я дорожу ими болѣе, потому что съ ними сопряжены лучшія для меня воспоминанія.

Дѣдъ мой, отецъ моей матери, Фридрихъ Антошъ Фурманъ, прибылъ въ Россію изъ Саксоніи во второй половинѣ прошлаго столѣтія и пользовался извѣстностію по своимъ агрономическимъ и экономическимъ познаніямъ, которыя и доставили ему, на первыхъ же порахъ прибытія его изъ-за границы, весьма выгодныя въ то время занятія. Онъ былъ немедленно опредѣленъ на службу и кромѣ того завѣдывалъ многими имѣніями крупныхъ помѣщиковъ. Желатый на дѣвицѣ Энгель (сестрѣ извѣстнаго въ свое время статсъ-секретаря Федора Ивановича Энгеля, виднаго дѣятеля при императорѣ Павлѣ Петровичѣ и въ особенности при императорѣ Николаѣ Павловичѣ), онъ въ 1791 году проживалъ въ Звенигородскомъ имѣніи князя Голицына, селѣ Богородскомъ, гдѣ у него родилась третья дочь Анна, моя матушка. За немѣніемъ въ той мѣстности протестантскаго пастора, она была крещена только на шестомъ году отъ рожденія. Впоследствии дѣдъ мой самъ приобрѣлъ небольшое имѣніе въ Кіевской губерніи и тутъ занялся воспитаніемъ дѣтей своихъ, для чего у него жилъ рекомендованный ему извѣстнымъ педагогомъ Камне иностранецъ Граффъ. Какъ матушка моя, такъ и братья и сестры ея, всегда съ особеннымъ уваженіемъ и любовью отзывались объ этомъ наставникѣ. На насъ дѣтей, его воспитанниковъ, перешелъ какъ бы по наслѣдству почеркъ его, отличавшійся твердостію и отчетливостію.

У дѣда моего отъ перваго брака съ дѣвицею Энгель были сыновья Романъ, Антошъ, Александръ, Федоръ и дочери Елизавета, Екатерина и Анна; отъ втораго же брака съ дѣвицею Гильдебрантъ: сынъ Андрей и дочь Наталія.

Старшій сынъ Романъ, воспитывавшійся въ Горномъ Корпусѣ, кончилъ свое жизненное поприще въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ заведывалъ финансами Царства съ 1831 по 1848 г. Жена его, рожденная

Адамовичъ, была падчерица статсъ-секретаря **Θ. И. Энгеля**, роднаго брата моей бабушки. Отъ этого брака было у нихъ два сына: **Николай**, женатый на дѣвицѣ **Теннеръ** (въ молодости лейбъ-гусаръ, скончавшійся въ званіи егермейстера въ 1885 г.) и **Иванъ**, женившійся на Кавказѣ на мѣстной уроженкѣ, и семь дочерей: 1) **Елисавета**, жена сенатора **А. И. Крузенштерна**, 2) **Марія**, вдова д. с. с. **Холодовскаго**, 3) **Екатерина**, вдова генералъ-лейтенанта **Дейтриха** (нынѣ директриса Полтавскаго Института), 4) **Александра**, вышедшая замужъ за инженернаго капитана **Бехли**, 5) **Елена**, 6) **Анна**, нынѣ вдова генералъ-адъютанта барона **Будберга** и 7) **Ольга**, жена флотъ-капитана флигель-адъютанта **Новосильскаго**.

Второй сынъ дѣда моего, **Антонъ Фурманъ** воспитаникъ Горнаго же Корпуса, служилъ по тому же вѣдомству на Уралѣ и оберъ-бергмейстеромъ вышелъ въ отставку. Несчастливый въ бракѣ, онъ овдовѣлъ и по конецъ жизни страдалъ умопомѣшательствомъ, главною причиною котораго были непріятности, причиненныя этому честному и благородному человѣку бывшимъ начальникомъ его **Мечниковымъ**.

Третій сынъ **Александръ** служилъ въ Генеральномъ Штабѣ, отличался умомъ и любезностію ¹⁾, но рано умеръ, оставивъ вдову съ двумя сыновьями и дочь **Е. А. Бенецкую**.

Четвертый сынъ **Θеодоръ**, любимецъ всего семейства, воспитывался сперва въ одномъ изъ Кадетскихъ корпусовъ, но вслѣдствіе ушиба, лѣшившихъ руки, перешелъ въ Дерптскій Университетъ, потомъ служилъ почти постоянно при нашихъ миссіяхъ за границу, гдѣ и женился на Римлянкѣ **Юдицѣ Фіораванти**, которую предварительно воспиталъ на свой счетъ. О немъ придется говорить впоследствии. Единственная ихъ дочь **Октавія** вышла замужъ за графа **Бержинскаго**. Извѣстная графиня **Самойлова**, въ альбомѣ портретовъ ей принадлежавшемъ, подъ портретомъ дяди написала: «*Macula non fuit in te*» ²⁾.

По окончаніи курса въ Дерптскомъ Университетѣ **Θеодоръ Θеодоровичъ** отправился за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Въ Берлинѣ онъ имѣлъ случай быть представленнымъ принцессѣ **Шарлоттѣ Прусской**, въ то время невѣстѣ **В. К. Николая Павловича**. Въ Римѣ, поселившись въ домѣ бѣднаго музыканта **Фіораванти**, онъ обратилъ вниманіе на маленькую дочь хозяина **Юдицъ**, приводившую его въ во-

¹⁾ См. Записки Вигеля.

²⁾ Т. е. въ тебѣ не было пятна.

сторгъ своими музыкальными способностями. По просьбѣ его Россіи взялся развить талантъ маленькой Италіанки. Будучи уже на службѣ при посольствѣ въ Константинополь, дядя мой вновь пріѣхалъ въ Римъ, засталъ свою protégée 15-ти-лѣтнею красавицею съ прелестно обработаннымъ голосомъ и, несмотря на всевозможныя препятствія со стороны родныхъ и начальства, женился на ослабпвшей его Италіанкѣ. Въ 1839 г. онъ переселился изъ Константинополя въ Петербургъ и въ званіи совѣтника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ былъ въ 1843 г. назначенъ въ Римъ, для переговоровъ по поводу крещенія дѣтей В. К. Маріи Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, въ Православную вѣру, противъ чего возставалъ Папа. Дѣло это дядя велъ съ большимъ искусствомъ. Въ то время отъ него была получена, между прочимъ, депеша, о которой одна изъ свѣтскихъ дамъ Петербурга, въ своихъ Запискахъ (см. «Русскій Архивъ» 1882 г. книга I-я, стр. 206) говоритъ: «Въ Февралѣ 1845 г. замѣчательна депеша Фурмана, который умеръ въ Римѣ. Selon moi, un chef d'oeuvre d'habilité, de bon goût et en même temps d'exigences fermes».

Дядя Федоръ Федоровичъ скончался въ 1845 году отъ апоплексическаго удара, внезапно, поднимаясь съ женою по лѣстницѣ въ домъ, занимаемый нашимъ посломъ въ Римѣ, Бутевымъ, у котораго они должны были обѣдать.

Дѣло, порученное дядѣ, окончилъ графъ Д. П. Блудовъ. Конечъ былъ положенъ тѣмъ, что императоръ Николай Павловичъ придалъ къ титулу герцоговъ Лейхтенбергскихъ названіе Князей Романовскихъ.

Пятый Фурманъ, Андрей (отъ втораго брака моего дѣда съ дѣвицею Гильдебрантъ) по выпускѣ изъ Кадетскаго Корпуса, по рекомендаціи моей матушки, опредѣленъ былъ на службу въ Черниговскій полкъ, которымъ командовалъ Муравьевъ-Апостолъ. Эта рекомендація послужила поводомъ къ сближенію его съ командиромъ полка и къ тому, что дядя мой, замѣшанный въ дѣлѣ 14-го Декабря, кончилъ жизнь въ ссылкѣ на поселеніи въ Сибири, вслѣдствіе тоски, какъ говоритъ Розень въ своихъ «Запискахъ Декабриста».

Старшая дочь дѣда моего Елисавета, 13 лѣтъ, вышла замужъ въ Кіевѣ за нѣкоего Бунге и была матерью нѣкоторыхъ профессоровъ Дерптскаго университета: юриста Федора Андреевича Бунге, служившаго подъ конецъ во II Отдѣленіи Собственной Канцеляріи Его Величества и теперь проживающаго въ Висбаденѣ, и ботаника Александра Андреевича, нынѣ академика, живущаго въ Дерптѣ.

Вторая моя тетка Екатерина была замужемъ за Коростовцевымъ. У нея были сыновья Александръ и Андрей Андреевичи и дочери Анна и

Наталья Андреевны. Наталья вышла замужъ за П. М. Новосильскаго (брата навѣстнаго адмирала). Три сына ея—моряки Новосильскіе, изъ коихъ старшій Михаилъ женился на младшей дочери дѣда моего Романа Федоровича, Ольгѣ, слѣдовательно на двоюродной теткѣ своей. Другіе два Андрей и Павелъ, изъ коихъ первый умеръ во время заграничнаго плаванія въ Санъ-Франциско, и второй командовалъ фрегатомъ «Герцогъ Единбургскій».

Четвертая дочь отъ второго брака дѣда моего, Наталья была замужемъ за А. П. Литке, однокровнымъ братомъ графа Федора Петровича. Мать послѣдняго была также рожденная Энгель, такъ что онъ былъ двоюродный братъ матушки моей.

Когда дѣдъ мой овдовѣлъ, матушка моя, будучи еще ребенкомъ, была взята на воспитаніе прабабушкою моею Елисаветою Каспаровною Энгель, принявшею въ тоже время къ себѣ и внука своего О. П. Литке, мать котораго скончалась чрезъ два часа послѣ его рожденія. Отсюда и дружба ихъ, сохранившаяся до кончины моей матушки, которая была семью годами старше славнаго адмирала. За смертію Елисаветы Каспаровны матушка моя была взята на воспитаніе бывшею въ тѣсной дружбѣ съ прабабушкою Елисаветою Марковною Олениной, рожд. Полторацкой, у которой и оставалась до 25-ти-лѣтняго возраста.

Кому неизвѣстны по преданію рассказы о домѣ Алексѣя Николаевича Оленина, этомъ средоточіи интересовъ литературныхъ и художественныхъ? Имена Державина, Озерова, Гнѣдича, Батюшкова, Крылова, Жуковского для меня какъ бы родственныя, и съ ними соединены лучшія воспоминанія моего дѣтства и юности, когда бывало матушка рассказывала намъ о живыхъ бесѣдахъ и литературныхъ чтеніяхъ въ домѣ Олениныхъ. Ни одно сочиненіе этихъ дѣателей по части словесности не выходило въ свѣтъ, не будучи прочтено предварительно въ тѣсномъ кружкѣ, собиравшемся вокругъ мецената того времени.

Матушка моя присутствовала при всѣхъ этихъ бесѣдахъ и съ работою въ рукахъ прислушивалась къ разсужденіямъ, которые такъ благотворительно дѣйствовали на развитіе ея. Несмотря на молодость свою, она уже тогда пользовалась уваженіемъ этого кружка и была такъ сказать любимницею нѣкоторыхъ изъ этихъ уже маститыхъ въ то время старцевъ. Такъ, напримѣръ, Державинъ всегда сажалъ ее за обѣдомъ возлѣ себя, а Озеровъ въ угоду ей подарилъ ей ложу на первое представленіе его «Дмитрія Донскаго», самъ пріѣхалъ въ ложу и, какъ говорила матушка, восторгаясь игрою извѣстной въ то время артистки Семеновы, плакалъ отъ умиленія.

Часто матушка вспоминала также о больших празднествахъ, въ которыхъ принимали участіе эти дѣтели золотаго вѣка Русской словесности и лучшіе того времени художники. Такъ помнится мнѣ рассказъ ея о балѣ, устроенномъ графомъ Чернышовымъ въ домѣ его у Синяго моста (впослѣдствіи Юнкерская школа, а послѣ дворецъ В. К. Маріи Николаевны), гдѣ одновременно были танцы, маскарадъ, театръ и живыя картины. Эти празднества имѣли особый характеръ; все было осмыслено и въ пьесахъ нарочно для этого случая написанныхъ, и въ картинахъ, изображавшихъ то сатиру, то аллегорію; а если вспомнить тогдашнюю страсть къ классицизму и сатирическое направленіе, то не трудно понять и то, что въ сюжетахъ для живыхъ картинъ и представлений не было недостатка. Крыловъ, Шаховской, Гнѣдичъ конкурировали между собою въ сочиненіяхъ для этихъ празднествъ, и Пріютино (небольшое имѣніе, скорѣе дача, Олениныхъ, за пороховыми заводами) служило обыкновенно мѣстомъ, гдѣ впервые разыгрывались пьесы, написанныя знаменитыми литераторами. 5-го Сентября, въ день именинъ Елисаветы Марковны Олениной, ежегодно устраивались сюрризы въ театрѣ, нарочно для того выстроенномъ, и матушкѣ моей перѣдко случалось принимать участіе и испытывать подѣ руководствомъ Гнѣдича свои сценическія способности, впрочемъ весьма слабыя (она была слишкомъ застѣчива для игры на сценѣ). Празднованіе 5-го Сентября въ Пріютинѣ повторялось ежегодно до кончины Е. М. Помнится мнѣ, какъ въ апофеозѣ, въ которомъ участвовали Анна Алексѣевна Оленина, Антонина и Лидія Дмитріевны Блудовы, и меня маленькаго повѣсили на проволоку почти голаго съ подрумянными свеклою щеками и съ крылышками. Такого же амура изображала Лизанька Оленина, впослѣдствіи Мамонова, дочь Петра Алексѣевича. Въ Пріютинѣ мы гостили ежегодно по нѣскольку недѣль. Тутъ же лѣто проводилъ Н. А. Крыловъ; ему было отведено помѣщеніе въ хорошенькомъ домѣ въ саду на горѣ, который назывался банею. Часто меня посылали будить крестьянина отца моего, который всегда былъ ласковъ и шутилъ со мною. Такъ иногда онъ объявлялъ мнѣ, что встанетъ только тогда, когда я безъ ошибки скажу ему назвустъ одну изъ басенъ его. Когда Пріютино, послѣ кончины Елисаветы Марковны, было продано, оно казалось мнѣ потеряннымъ раемъ. Мельчайшія подробности дѣтства, проведеннаго нами тамъ, до сихъ поръ мнѣ дороги и памятны. Староста Гаврило, старушка огородница Василиса, приносившая намъ каждое утро по пучечку моркови, утренній чай изъ листьевъ черной смородины съ пшеничными булочками, фруктовый садъ и орапжереи, все это чередуется въ памяти моеѣ.

Близкіе дома, въ которыхъ матушка часто проводила время и о которыхъ она всегда съ особеннымъ удовольствіемъ и благодарностію вспоминала, были семейства Бакуниныхъ, Самариныхъ и Архаровыхъ. Покойная Софья Григорьевна Волконская, супруга фельдмаршала, до смерти своей сохранила къ матушкѣ моей самое дружеское расположеніе. Дружна она была и съ А. И. Васильчиковой (до замужества Архаровой). Изъ молодыхъ людей, въ то время часто бывавшихъ въ домѣ А. Н. Оленина, были между прочимъ С. С. Уваровъ и П. Д. Киселевъ. Бывалъ у Олениныхъ уже въ наше время кн. П. М. Волконскій, министръ двора, по женѣ своей родственникъ Елисаветы Марковны. Когда онъ пріѣзжалъ къ обѣду, старшій буфетчикъ Иванъ Кондратьевъ съ особенною торжественностію являлся и провозглашалъ свое обычное: «Кушать поставили». Однажды князь привезъ Елисаветѣ Марковнѣ пожалованный ей орденъ Св. Екатерины, и старушка, припавъ знаки ордена, замѣтила: «Ты, князь, хлопочешь о томъ, чтобы передъ гробомъ моимъ было что нести». Намъ, дѣтямъ, приходилось въ домѣ Алексѣя Николаевича встрѣчаться съ дѣтьми нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ лицъ. Живо помнится, какъ бывало по Воскресеньямъ послѣ обѣда мы рѣзались и плясали подъ звуки фортепіано или шарманки съ дочерьми А. И. Васильчиковой (впослѣдствіи гр. Анна Алексѣевна Баранова и княгиня Е. А. Черкасская), съ Эрнстомъ и Кларою Люцероде, коихъ отецъ былъ Саксонскимъ посланникомъ. Изъ ближайшихъ къ семейству дѣтей были Атинька Оленина (нынѣ А. Г. Стояновская) и княжна Алина Голицына, дочь Александра Федоровича, женатаго на гр. Н. И. Кутайсовой, жившаго въ верхнемъ этажѣ дома Олениныхъ на Большой Морской (нынѣ перестроенъ и принадлежитъ Грейгу).

Самымъ горячимъ поклонникомъ матушки моей между извѣстными личностями былъ К. Н. Батюшковъ, на котораго однако къ несчастію эта любовь, нераздѣляемая матушкою, имѣла самое пагубное вліяніе, ибо была одною изъ причинъ сперва его меланхоліи, потомъ унынія и бездѣятельства. Письма Батюшкова къ Е. О. Муравьевой свидѣтельствуютъ о тяжеломъ настроеніи его духа; онъ жалуется на судьбу свою. Въ стихотвореніи «Мой геній» Батюшковъ выражаетъ всю глубину чувства своего. Глинка передожилъ эти стихи на музыку, но этотъ романсъ одно изъ слабыхъ произведеній его. Нынѣ сынъ В. А. Жуковского передалъ Помпею Николаевичу Батюшкову стихотвореніи его брата, посвященныя моей матушкѣ; они помѣщены въ полномъ собраніи сочиненій Батюшкова, изданіи Л. Н. Майкова. Въ I томѣ, стр. 190 упоминается о моей матушкѣ.

Пока матушка моя воспитывалась какъ любимая дочь въ домѣ Олениныхъ, отецъ ея вторично женился, и отъ этого втораго брака

подрастала уже дочь Наталья Федоровна. Дѣдъ мой, желая, чтобы мать моя приняла на себя воспитаніе этой сестры, вызывалъ ее постоянно въ Дерптъ (гдѣ онъ поселился уже нѣсколько лѣтъ, продавъ предварительно свое Кіевское имѣніе). Вызовъ этотъ былъ неожиданнымъ ударомъ для матушки моей, привязавшейся всюю душою къ Елисаветѣ Марковнѣ. А. Н. Оленинъ сказалъ ей, что она можетъ не ѣхать въ Дерптъ, если согласится выйти замужъ за человѣка, давно уже просящаго руки ея, что онъ не рѣшался до сихъ поръ говорить ей о немъ, будучи заранѣе увѣренъ въ отказъ ея, но что теперь обязанъ ей объявить, что претендентъ этотъ Ник. Ив. Гиѣдичъ. Этого матушка никакъ не ожидала: она привыкла смотрѣть на Гиѣдича (уже далеко не молодого человѣка) съ почтеніемъ, уважая его умъ и сердце, наконецъ съ признательностію за вліяніе его на развитіе ея способностей, ибо почти ежедневно бесѣдовала съ нимъ и слушала наставленія его; однимъ словомъ, она любила его, какъ ученицы привязываются къ своимъ наставникамъ. Но тутъ же появилось несчастное чувство сожалѣнія, и она просила А. Н. дать ей нѣсколько дней для размышленія. Кончилось тѣмъ, что она, конечно, другими глазами смотря на Гиѣдича, стала замѣчать въ немъ недостатки, напр. немѣвшую дотолѣ никакого для нея значенія наружность (Н. И. былъ кривъ на одинъ глазъ вслѣдствіе оспы, обезобразившей ему лицо), и все это обратилось въ чувство непреодолимаго отвращенія, которое вскорѣ сдѣлалось яснымъ и для самого жениха. Въ это время какъ-то за обѣдомъ, дочь Олениныхъ Анна Алексѣевна, тогда еще ребенокъ, вдругъ, ко всеобщему удивленію, смотря на Гиѣдича, съ сожалѣніемъ вскрикнула: «Бѣдный Н. И., вѣдь онъ кривенькій». Елисавета Марковна, сдѣлавъ дочери выговоръ, спросила ее: кто могъ ей это сказать? Малютка промолчала, но вмѣсто ея отвѣчалъ только что взятый пѣзъ деревни и стоявшій за стуломъ казачекъ: «Кто сказалъ? Вѣстимо, барышня (т. е. моя матушка) при мнѣ говорили сегодня утромъ, что они (Гиѣдичъ) кривые; да и вправду они одноглазые.»

Матушка моя съ отчаяніемъ вырвалась изъ объятій дорогаго ей семейства, которое привыкла считать своимъ, и уѣхала въ Дерптъ.

Тутъ она застала Протасовыхъ, Воейкова, женатаго на Протасовой, и сестру ея, жену профессора Мойера, а также В. А. Жуковскаго.

Вскорѣ свыклась она съ новою жизнію и обстановкой, дотолѣ для нея чуждой.

Въ 1821 году дѣдъ мой временно переселился въ Ревель, и тутъ моя матушка вышла замужъ за отца моего, у котораго отъ перваго брака былъ уже шестилѣтній сынъ.

Затѣмъ, какъ уже сказано выше, отецъ мой, вынужденный обстоятельствами, выѣхалъ съ семействомъ изъ Ревеля и поступилъ на службу по вѣдомству Императорской Академіи Художествъ и Морскаго Кадетскаго Корпуса.

Въ 1824 г., простудившись во время наводненія, онъ сталъ хворать и въ Февралѣ 1827 года скончался. Два мѣсяца спустя матушка была опредѣлена главною надзирательницею Воспитательнаго дома, т. е. отдѣленія Французскихъ классовъ (Николаевскій Сиротскій Институтъ) и возрастнаго отдѣленія, слившагося впоследствии съ Александринскимъ Сиротскимъ домомъ.

Трудное наступило время для бѣдной матушки. Въ то время она кормила меня, 8-мѣсячнаго ребенка, и должна была блюсти за заведеніемъ, въ которомъ воспитывалось тогда не болѣе 300 питомцевъ Воспитательнаго дома. Но время это сопряжено съ воспоминаніями, которыя матушка сохраняла до кончины своей. Руководительницею ея въ новыхъ обязанностяхъ была сама Императрица Марія Федоровна, въ первые дни пріѣзжавшая въ заведеніе и, вводя новую начальницу въ обязанности ея, съ материнскою заботливостію слѣдившая за управленіемъ его. Гр. Ив. Вишамовъ, бывшій въ то время секретаремъ Ея Величества, а послѣ кончины Императрицы статсъ-секретаремъ, управляющимъ IV Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, былъ также отличнымъ совѣтникомъ матушки моей. Онъ всегда цѣнилъ заслуги и способности ея и называлъ ее шуткою вмѣсто мадамъ Оомъ мадамъ Умъ.

Вскорѣ матушка свыкла съ обязанностями до того, что державная ея покровительница однажды, обращаясь къ Е. М. Олениной, спросила ее: *si elle n'a pas parmi ses bijoux une seconde perle, comme m-me Oom, qu'elle la prendrait à l'instant *)*.

Весь день у матушки былъ поглощенъ занятіями, которыя годъ отъ году становились труднѣе по значительно возраставшему числу воспитанницъ.

Въ 1837 году въ назначеніи Воспитательнаго дома произошла рѣзкая перемѣна.

Французскіе классы были обращены въ Сиротскій Институтъ, въ который стали принимать исключительно оберъ-офицерскихъ дѣтей, а незаконнорожденныхъ дѣтей отвозили въ окрестныя деревни, гдѣ они и оставались до извѣстнаго возраста; а потомъ дѣвушки, если не вы-

*) Нѣтъ ли въ числѣ ея драгоценностей еще другой жемчужины, какъ г-же Оомъ; она бы взяла ее сей часъ.

ходили замужъ, помѣщались въ разные заведенія вѣдомствъ учрежденій Императрицы Маріи, въ качествѣ прислужницъ или, какъ называли ихъ въ институтахъ, нянекъ. Предлогомъ къ лишенію воспитанія и образованія этихъ несчастно-рожденныхъ (какъ со времени этого преобразования называла ихъ моя матушка, которая сильно противилась реформѣ) послужило предположеніе, что этимъ путемъ, если не прекратится, то по крайней мѣрѣ, уменьшится безнравственность. Какъ будто вовлеченные въ грѣхъ люди думаютъ о послѣдствіяхъ безнравственнаго ихъ поступка? Я увѣренъ, что въ очень рѣдкихъ случаяхъ человѣкъ удержится отъ грѣха въ предвидѣніи того, что плодъ его незаконной связи будетъ лишенъ образованія. При учрежденіи воспитательныхъ домовъ, Императрица Екатерина имѣла въ виду не только гуманную цѣль—смыть, такъ сказать, съ дѣтей, неповинныхъ конечно въ грѣхъ родителей, пятно на нихъ лежащее, и сравнить ихъ съ другими сословіями сообразно ихъ способностямъ и наклонностямъ, но въ тоже время лучшихъ изъ нихъ и наиболѣе способныхъ готовить къ службѣ внутри и на окраинахъ Россіи. И въ самомъ дѣлѣ, сколько изъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ было впоследствии отличныхъ врачей, учителей и воспитательницъ во всѣхъ губерніяхъ Россіи и Сибири. Этимъ молодымъ людямъ, не имѣвшимъ ни родныхъ, ни знакомыхъ въ столицахъ, не трудно было разставаться съ Петербургомъ и Москвою, и они скоро свыкались съ провинціальною жизнію во время шестилѣтней обязательной службы ихъ въ мѣстахъ, куда ихъ назначало правительство, ибо другой родины они не имѣли. Между тѣмъ мы знаемъ, какъ трудно и теперь находить людей для службы въ столицѣ и въ особенности гдѣ нибудь въ глуши. Вотъ этихъ-то людей и давали воспитательные дома съ ихъ учебно-воспитательными заведеніями.

Матушка, насколько отъ нея зависѣло, отстаивала преимущества дарованныя несчастно-рожденнымъ дѣтямъ Императрицею Екатериною. Она рѣшалась даже лично просить Императрицу и Государя не лишать этихъ дѣтей воспитанія и убѣждала, если требуется, основать особое сиротское заведеніе для оберъ-офицерскихъ дѣтей, но не закрывать питомцамъ пути къ воспитанію и образованію. «Мой долгъ, Государь», говорила она, «вступить за нихъ, ибо онѣ мнѣ поручены покойной матушкой вашей. Она призвала меня воспитывать именно ихъ, а не другихъ дѣтей.» Но вопросъ былъ рѣшенъ безповоротно.

Во всякомъ случаѣ могу съ увѣренностью сказать, что съ той минуты, когда вмѣсто малолѣтнихъ незаконнорожденныхъ дѣтей стали поступать въ Институтъ оберъ-офицерскія сироты 10, 12-ти и до 13-ти лѣтъ, часто если не испорченные уже, то съ дурными наклонностями

и привычками, матушкѣ стало несравненно труднѣе управлять заведеніемъ. Число дѣтей стало быстро возрастать; въ 1845 году перевели въ то же зданіе воспитанницъ Александрійскаго Сиротскаго дома, коюго помѣщеніе на Каменно-островскомъ проспектѣ понадобилось для Лицея, выведеннаго тогда изъ Царскосельскаго дворца. Число воспитанницъ и служащихъ, подвѣдомственныхъ управленію моеи матушки, возросло до 1000 человекъ. Странно, что, не смотря на эти перемѣны, которыя вызывали усиленные труды и возлагали на матушку страшную отвѣтственность, содержаніе ея, весьма тогда скромное, оставалось неизмѣненнымъ до кончины ея. Въ теченіе 24-хъ лѣтъ службы она отъ Опекунскаго Совѣта наградъ не получала, да и не просила; два раза удостоивалась получать подарки лично отъ Государыни Императрицы. 24-хъ лѣтняя служба ея ознаменована самымъ добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей и безкорыстіемъ. Государь Николай Павловичъ узнавъ это и цѣнилъ службу ея, что доказалъ милостивымъ участіемъ во время предсмертной ея болѣзни и послѣ кончины ея.

Часто матушка нуждалась въ денежныхъ средствахъ, и когда по совѣту медиковъ ей приходилось въ 1842 и 1846 годахъ ѣздить на морскія купанья въ Гельсенгфорсъ, оба раза она ѣздила на счетъ позанимствованныхъ денегъ, которыя возвращать стоило немагаго труда.

Сестры мои, окончивъ курсъ въ Институтѣ, устроили у себя небольшой пансіонъ для дѣвочекъ, что давало имъ средства содержать себя.

По выходѣ моемъ изъ Унниверситета, въ которомъ я, какъ и по 2-й гимназій, состоялъ стипендіатомъ И. А. Крылова *), моего крестнаго отца, матушка, чтобъ экипировать меня, заняла 300 р., которые я уплатилъ впоследствии изъ жалованья моего.

Какъ добросовѣстно относилась матушка моя къ своимъ обязанностямъ, можно судить уже потому, что, постоянно наблюдая за нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ ввѣренныхъ ей сиротъ, она въ то же время неуклонно провѣряла самую себя и совѣтовалась съ извѣстными въ то время педагогами: Парротомъ, Е. А. Энгельгардтомъ, академикомъ Аделунгомъ и Шторхомъ, Пезаровіусомъ и директоромъ Нѣмецкаго училища Св. Петра старикомъ Вейсомъ. Эти господа приглашались и на экзамены выпускныхъ воспитанницъ. Бывшій министръ

*) Въ день 50-ти лѣтняго юбилея его въ 1898 году, какъ баснописца, была Всенглостивѣйше пожалована изъ Государственнаго Казначейства сумма на образованіе стипендіи Крылова. Иванъ Андреевичъ пріѣхалъ тотчасъ же къ матушкѣ моей съ предложеніемъ взять меня первымъ степендіатомъ.